

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня...

Николай Гумилев.
«Наступление»

Часть I

ПЕРВЫЕ СЕМЬ ДНЕЙ

День первый. Воскресенье. 10 июня.

Он пристально, не отрывая взгляда, смотрел на быстрое течение. Все было как обычно. И день, и год, и век назад река так же стремительно несла свои воды, словно опаздывая на свидание с озером. Ему нравилось смотреть на этот быстрый поток, ставший неким символом человеческой жизни и быстротечности самого времени.

— Миша, — вывел его из раздумий голос жены, — Миша, тебя к телефону. Он повернулся. Недовольно наморщив лоб, оторвал взгляд от воды. Его раздражали эти неожиданные звонки, мобильные телефоны, все эти технические новшества, которые могли достать его в любой точке, бесцеремонно вторгнуться в его жизнь. Вдохнув, он подошел к телефону и недовольно взглянул на жену.

— Нужно было сказать, что меня нет, — тихо заметил он.

— Они говорят — это срочно, — сделала большие глаза жена.

— Слушаю, — с досадой сказал он в трубку. Ему казалось, что уж сегодня-то ему удастся спрятаться ото всех, уединиться на этой речке, знакомой с детства, спокойно отсидеться в воскресный день с удочкой в руках. Он даже сумел обмануть вездесущего адъютанта, оставив его на даче дежурить у телефона прямой связи.

— Михаил Борисович, — донесся до него взволнованный голос начальника Генерального штаба, — у нас ЧП.

Даже если бы начальник Генштаба не упомянул о ЧП, то по его испуганному взволнованному голосу министр обороны все равно догадался бы, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Ну что там еще? — рявкнул в трубку маршал.

— У нас... у нас ЧП, — пробормотал генерал, — вы можете вернуться на дачу?

По мобильному телефону запрещалось вести секретные разговоры. Слишком хорошо все знали, что прослушать их не составляет никакого труда. Маршал нахмурился. Из дома уже бежал адъютант.

— Черт знает, что происходит, — зло процедил министр обороны, оборачиваясь к адъютанту.

— Удочки собери! — крикнул министр на ходу и поспешил в дом. От быстрой ходьбы у него бешено заколотилось сердце и перехватило дыхание. Нужно почаще плавать в бассейне, подумал он, и вообще больше уделять внимания своему здоровью.

Он наконец дошел до дома и почти бегом направился к аппарату правительственной связи, мельком увидев испуганное лицо домработницы.

— Я слушаю, — сказал он, сдерживая дыхание, — что там у вас случилось?

— Сообщение из Сибири, товарищ маршал, — доложил начальник Генерального штаба, — полтора часа назад в Дятлове захвачен командный пункт управления межконтинентальными ракетами.

— Кто захвачен? — не понял министр. — О чем вы говорите? Кто его мог захватить? Террористы?

— Мы получили донесение из Новосибирска, — выдохнул начальник Генерального штаба, — и тоже сначала ничего не могли понять. Но это не террористы. По предварительным сведениям, которые нам передали из штаба округа, несколько офицеров-ракетчиков заперлись в командном пункте и требуют командующего.

— Как это требуют? Как это заперлись? Вы понимаете, что говорите? Вы с ума сошли! — возмутился министр. — Такого просто не может быть.

— Это произошло в Дятлове, — повторил начальник Генерального штаба, — вы помните, мы дважды продлевали там срок эксплуатации и хранения ракет. По сведениям из Новосибирска, в одной из пусковых шахт началась реакция. Офицеры потребовали вызвать командующего, но командир полка отказался. Вот с этого все и началось...

— Перестаньте, — он все еще не мог поверить в случившееся. — При чем тут сроки? Офицеры не могли пойти на такое безумство! Это же прямое нарушение присяги... — Он почувствовал, как начало по-

кальвать сердце. Голову сдавило, она налилась свинцовой тяжестью, очевидно, подскочило давление.

— У вас проверенные данные? — спросил министр.

— Так точно, Михаил Борисович, — генерал явно волновался, — командующий ракетными войсками уже вылетел на место происшествия. Он сейчас находится в воздухе. По команде с земли мы подняли наши самолеты. Требования нам пока неизвестны, командный пункт в Дятлове на наши запросы не отвечает.

— Там же рядом поселок, — выдохнул, задыхаясь от гнева, министр.

Начальник Генерального штаба молчал так, словно чувствовал личную вину за случившееся.

— Высылайте машину, — приказал министр, — и приготовьте мой самолет. Что еще сообщили из Новосибирска? Почему они захватили командный пункт?

— Мы уже несколько месяцев как прекратили финансирование объекта в Дятлове, — напомнил начальник Генерального штаба. — Вам известно, что офицеры уже несколько месяцев не получают зарплату? Ракетчиков из Дятлова еще в прошлом году должны были перевести на другую базу. Но из-за недостатка средств было принято решение продлить срок их службы на прежнем месте. Михаил Борисович, люди просто не хотят там больше служить. Они понимают, как это опасно. В любой момент...

— Хватит меня агитировать, — разозлился министр, — решение принималось на коллегии министерства. Вы тоже были там и высказали свою точку зрения.

— Так точно, — согласился начальник Генерального штаба.

— Я сейчас приеду, — министр собирался уже положить трубку, когда его собеседник осторожно спросил:

— Вы сами будете докладывать Президенту, Михаил Борисович, или это сделать мне?

Министр нахмурился. Вообще-то о подобных происшествиях он обязан был докладывать Президенту лично. Он представил себе, какой разговор его ожидает, если он позвонит Президенту. Нужно будет объяснять, почему ракеты не сняли с боевого дежурства еще в прошлом году, почему он дал разрешение на вторичное продление сроков хранения ракет, способных стереть с лица Земли целый город. Как могло так случиться, что его офицеры пошли на неслыханное нарушение присяги, захватив командный пункт и отказываясь от несения службы, хотя они понимают, что Дятлово может стать одной общей могилой и для них, и для их семей, а масштаб катастрофы может в десять раз превысить Чернобыль. В общем, ясно, что ничего хорошего от разговора с Президентом ему ждать не приходится. С другой стороны, позволить начальнику Генерального штаба напрямую выходить на Президента — небезопасно, так можно своими собственными руками подготовить себе скорую замену.

— Я доложу сам, — ответил он генералу, — держите меня в курсе дела.

Он дал отбой, поднял трубку телефона прямой связи с Президентом. На часах было десять тридцать. Наверняка Президент уже проснулся. Ждать, однако, пришлось долго. Один звонок, второй, третий, четвер-

тый... В другое время министр наверняка положил бы трубку, чтобы не беспокоить Президента. Но сегодня было не до этикета. Он обязан был дозвониться.

Наконец он услышал в трубке тяжелый голос.

— Слушаю, — сказал Президент.

— Извините меня, — выдохнул министр обороны, — у нас случилась неприятность, и я вынужден был вас побеспокоить.

— Какая еще неприятность? — не понял Президент. — О чем вы говорите?

— Сегодня утром у нас сложилась чрезвычайная ситуация. — Министр говорил, осторожно подбирая слова. — Одна из наших пусковых установок МБР дала течь, очевидно, произошла авария, которая вызвала неконтролируемую реакцию. Сейчас мы принимаем меры к локализации данного объекта. На место происшествия вылетел командующий ракетными войсками...

— Подождите, — прервал ошеломленный Президент, — авария с неконтролируемой реакцией, — он умел ухватить суть проблемы, — что это значит?

— Ничего серьезного. Мы принимаем все меры к ликвидации аварии. Но несколько офицеров потребовали встречи с командующим. Мы сейчас уточняем обстановку на месте.

— Что сделали ваши офицеры? — переспросил Президент.

— Они требуют встречи с командующим, — покрываясь мелким бисером пота, объяснил министр. — Это неконтролируемая химическая реакция, и они беспокоятся...

— Где находятся ваши офицеры? — уже раздраженно спросил Президент.

— Они на командном пункте в Дятлове, — доложил наконец министр, — требуют встречи с командующим ракетными войсками. Он уже вылетел на место происшествия.

— Это что же означает? — растерянно переспросил Президент. — Мало нам шахтеров, у нас теперь уже офицеры-ракетчики бастовать стали? Так прикажете понимать?

— Никак нет. Они не бастуют. Мы сейчас все проверяем на месте.

— Поздно проверяете, — рявкнул Президент, — нам только этого не хватало! Позор! И это наши офицеры! Неконтролируемая реакция, — повторил он, — а с самими ракетами ничего не случилось, они не могут с ними что-нибудь сотворить?

— Никак нет, — доложил министр, — без специального шифра и кода ракеты не могут быть приведены в действие. Они могут выйти на стартовые позиции только после соответствующего приказа. А приказ применить ядерное оружие может дать только Верховный главнокомандующий, то есть вы. Офицеры это прекрасно понимают. Они требуют только встречи с командующим.

— Вам самому нужно быть в Дятлове, — явно раздражаясь, произнес Президент.

— Так точно, — ответил маршал и почувствовал, как его собеседник тяжело дышит в трубку.

— Выясните быстрее, — уже не сдерживая гнева, приказал Президент, — выясните наконец, что у вас происходит в ракетных войсках. Вы, в конце концов, министр обороны, а не... — Он не договорил. Министр не видел, как трубка выпала из рук Президента и нег-

ромко стукнулась об пол, он продолжал терпеливо ждать, когда Президент закончит свою речь. Лишь через какое-то время он понял, что на другом конце что-то произошло.

— Алло, — в его голосе все еще была робость, — алло, вы меня слышите? Алло?

В ответ — молчание. Он громче крикнул в трубку, но ему снова никто не ответил. Министр расстегнул рубашку, чувствуя, что задыхается. Он стоял с трубкой в руках и не мог сообразить, как ему себя вести. Может быть, Президенту стало плохо. Может, нужно позвонить его помощнику. С другой стороны, может быть, Президент просто отложил трубку, чтобы ответить на другой звонок. Или решил выпить стакан воды. Но почему он так неожиданно замолчал? И в этот момент маршал услышал в трубке чей-то незнакомый голос.

— Алло, кто говорит? — закричал министр.

— Президенту стало плохо, — услышал он голос одного из сотрудников аппарата Президента, дежурившего в соседней комнате, — он потерял сознание. Михаил Борисович, он лежит на полу, рядом с ним сейчас лечащий врач. Позвоните попозже.

— Я не могу попозже, — крикнул в ответ министр, — я не могу, вы слышите, я не могу!

— Господин министр, — рассердился помощник, — я же вам сказал, что Президент без сознания. Михаил Борисович, неужели вы не понимаете!

«Господи, только этого не хватало», — испуганно подумал министр. Он взял трубку другого телефона и набрал номер Премьера. Занято. Он набрал номер снова. И снова — занято. Это окончательно выве-

ло министра из себя. Он набрал номер в третий раз и снова услышал частые гудки. Он застыл на какое-то время с трубкой в руке. Затем, подумав, позвонил начальнику Генерального штаба.

— Ну, что там у вас? — спросил он.

— Сейчас разбираемся, — доложил генерал, — командующий считает, что ему удастся договориться с офицерами. Он уже вышел с ними на связь.

— Что? — Министру показалось, что от ярости у него вылезают глаза из орбит. Они еще о чем-то договариваются! Его офицеры-ракетчики!

— Вы уже выяснили, как все произошло?

— Мы уточняем ситуацию, Михаил Борисович, — доложил генерал, — пока новых данных не поступало.

— Я сейчас приеду! — прокричал в трубку министр и дал отбой. Затем он снова набрал номер Премьера. Тот наконец снял трубку.

— Здравствуйте, Николай Алексеевич, — поздоровался маршал, — я хотел вам доложить...

— Знаю, — ответил Премьер, — о вашем ЧП в Дятлове. Я все знаю. Занимайтесь этим вопросом, Михаил Борисович, сами, нам сейчас не до этого.

Министр подумал, что он ослышался. Как это не до этого? И это говорит Премьер-министр! Он что, не понимает, что такое командный пункт межконтинентальных баллистических ракет? Или не в курсе того, что в захвате приняли участие боевые офицеры?

— Извините, — сказал министр, — вы, видимо, не в курсе...

— У Президента инсульт, — перебил его Премьер, — он сейчас в очень тяжелом состоянии. Врачи опасаются за его жизнь. Во время разговора с вами